

Опасные гастроли

Большой выступил в Лондоне

Гастроли ГАБТа продолжались две с половиной недели и проходили на лучшей балетной площадке страны – в Ковент-Гарден. Были показаны пять спектаклей – “Дон Кихот”, “Ромео и Джульетта”, “Спартак”, “Лебединое озеро” и “Дочь фараона”. Новый руководитель балета Большого Алексей Ратманский составил гастрольную программу, которая должна была представить труппу во всей ее красе. “Спартак” и “Лебединое” – это визитные карточки ГАБТа советских времен. Отточенная техника солистов и кордебалета, добротная хореография Григоровича. Правда, “Лебединое” подавалось как премьера – Григорович в 2001 году значительно обновил постановку 35-летней давности и даже изменил финал. “Дон Кихот”, созданный пять лет назад Алексеем Фадеечевым, – удачная попытка вернуться к авторитетной постановке 1900 года Александра Юрского. Спектакль доказывает, что постсоветская хореография бережно относится к достижениям русского классического балета. Архаичная “Дочь фараона” Цезаря Пуни в постановке француза Пьера Лакотта также демонстрирует уважение Большого к традиции. А вот роль, предназначенная “Ромео и Джульетте”, была прямо противоположной. Знаменитый балет Прокофьева (который в постановке Леонида Лавровского потряс лондонцев на гастролях ГАБТа в 1956 году несравненным мастерством Галины Улановой) на этот раз должен был продемонстрировать, что Большой открыт для экспериментов. Действительно, неординарная постановка известного британского театрального режиссера Деклана Доннеллана и смелая хореография молодого молдавского балетмейстера Радуги Поклитару была очень тепло встречена в Москве как строгими балетными критиками, так и зрителями.

Расчет Ратманского оправдался. Гастроли Большого проходили в Лондоне на ура. Аншлаги были на всех спектаклях, несмотря на очень высокие цены на билеты – от 30 до 105 фунтов (для сравнения: билеты на Королевский балет Великобритании, в помещении которого выступал Большой, стоят от 11 до 82 фунтов). Если сравнивать нынешние гастроли с прошлыми, прошедшими несколько лет назад, то это совсем неплохо. Тогда и площадка была похуже (театр Друри Лейн), и пресса встретила Большой без особого энтузиазма. На этот раз восторги экспертов выплеснулись на страницы лондонских газет уже после “Дон Кихота”, открывшего гастроль. “Постановка и исполнение в сумме – все, что только можно пожелать. Редакция Фадеечева оставляет много места для танца, и танцоры Большого успешно заполняют его” (Клемент Крисп, “Financial Times”); “Может быть, это старомодный и стереотипный балет, но он прекрасный полигон для уникального экстравагантного стиля Большого театра. Зрители наслаждались выступлением, как наслаждались им и танцоры” (Дебра Крейн, “The Times”).

Это мнения ведущих балетных экспертов английской столицы, им вторили и другие. “Лебединое” было встречено с меньшим энтузиазмом, рецензент “The Daily Telegraph”, в частности, писал, что постановка выглядит устаревшей, но отмечал высокое мастерство Светланы Захаровой (Одетта – Одилия). Примерно в таком же духе высказывались и большинство его коллег, ну а публика оценила виртуозную технику примы столь бурно, что финальные аллодисменты перекрывались восторженными криками, более уместными на футбольном матче. Лондонские эксперты считаются самыми привередливыми в мире, и их высокая оценка нынешнего состояния Большого дорогого стоит. Исключение составила лишь реакция на “Ромео и Джульетту”. Здесь британцы не поспешили на критику. “Нечасто услышишь шикарное в балете, но после лондонской премьеры “Ромео и Джульетты” Большого театра режиссер Деклан Доннеллан и хореограф Радуга Поклитару его услышали. Отсутствие режиссерской и хореографической изобретательности увлекло эту постановку на дно” (Люк Дженнингс, “The Guardian”); “Карикатурный стиль Поклитару, разбавленная смесь Матса Эка и Анжелена Прельжокажа, банальный и бессмысленный, аляповатый и раздражающий, вульгарный и наивный... Дивный новый мир для Большого? Скорее смертельная скука и упущенная возможность” (Дебра Крейн, “The Times”). Положительные отзывы были, но составили меньшинство. Например, Сара Фрейтер из “Evening Standard” писала: “Доннеллан создал произведение, принадлежащее современному физическому театру, и ты невольно замечаешь, насколько это освобождает артистов. Не скованные балетными правилами XX века, они выпускают на волю рихтеровские волны эмоций, стилизованные, но убедительные”. Кстати, эти “волны” были вполне оценены публикой, которая не поспешила на аллодисменты, не вняв уничижительной критике рецензентов.

Причина подобной оценки состоит в том, что Большой для профессиональных балетоманов – это заповедник традиционализма, от которого не ждут ничего нового и тем более не готовы его принять. Ломка стереотипов в искусстве – вещь сложная не только для тех, кто их ломает, но и для тех, кто призван это осмыслить и оценить. Однако сам факт, что консервативные британцы сравнивают новых “Ромео и Джульетту” с работами таких асов современного балета, как швед Эк и работающий во Франции Прельжокаж (пусть и не в пользу ГАБТа), свидетельствует – замысел Алексея Ратманского удался. Он сумел доказать, что Большой – это не просто уважаемый музей хореографии, но и живой организм, который способен откликаться на последние веяния мирового искусства.

Катя МИЛОВИДОВА

Буклет -- 2004 -- №-18 авг. -- с. 7